

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2026.8622

EDN: NFPUFQ

Приложения математики в произведениях Достоевского

О. А. Деханова^{1✉}, М. Е. Деханов²

независимые исследователи

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: Dh369@yandex.ru^{1✉}, dekhانov@yandex.ru²

Аннотация. В статье рассмотрены комментарии к повседневному быту в произведениях Ф. М. Достоевского. Одна из наиболее насущных областей повседневности — стоимость жизни, то есть расходы и доходы, деньги и их материальные эквиваленты, цены на еду, одежду, жилье и прочее. Любая деталь, любой предмет повседневного быта — это элемент культуры. Образ вещи как культурного феномена связан в нашем сознании с определенным смыслом, сформированным как особенностями конкретной исторической эпохи, так и повседневным опытом. Использование такого образа в качестве художественной детали в литературных произведениях всегда нацелено на эмоциональный отклик, ожидаемый автором со стороны читателей. Именно поэтому описания бытовых деталей должны быть предельно достоверными и узнаваемыми. Однако культурные особенности XIX в. в их предметном выражении во многом утратили свое значение для современных читателей и исследователей, и восстановление художественного смысла композиций Достоевского иногда представляет значительную сложность. В исследовании выявлены некоторые особенности обращения Достоевского к финансовой арифметике повседневного быта его персонажей, а также определены некоторые стилистические различия в использовании арифметических элементов в романах «Бедные люди», «Преступление и Наказание» и «Идиот». Помимо финансовой области арифметики, нами были рассмотрены художественные смыслы одного необычного наблюдения Достоевского — «как пьют женщины» с указанием количества глотков (в романах «Преступление и Наказание» и «Бесы»). Комментарии к эпизоду странствий Степана Трофимовича в романе «Бесы» потребовали не только расширенного обращения к произведениям самого Достоевского и его современников, но и к питейному законодательству Российской империи XIX в.

Ключевые слова: Достоевский, история России, повседневность, питейное законодательство XIX в., художественная деталь, арифметика в литературе

Для цитирования: Деханова О. А., Деханов М. Е. Приложения математики в произведениях Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2026. Т. 13. № 2. С. 115–144. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8622. EDN: NFPUFQ

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2026.8622

EDN: NFPUFQ

Applications of Mathematics in Dostoevsky's Works

Olga A. Dekhanova^{1✉}, Mikhail E. Dekhanov²

*Independent Researchers
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: Dh369@yandex.ru^{1✉}, dekhanov@yandex.ru²

Abstract. This article examines annotations (commentaries) pertaining to everyday life in the works of F. M. Dostoevsky. One of the most pressing domains of everyday existence is the cost of living — that is, expenditures and income, money and its material equivalents, and prices for food, clothing, housing, and the like. Any detail, any object of everyday life, constitutes an element of culture. The image of a thing as a cultural phenomenon is connected in our perception with a specific meaning shaped both by the characteristics of a given historical epoch and by everyday experience. The use of such an image as an artistic detail in literary works is always aimed at eliciting the emotional response that the author anticipates from the reader. It is for this reason that descriptions of everyday details must be exceedingly accurate and readily recognizable. However, the cultural specificities of the nineteenth century, in their material expression, have largely lost their significance for modern readers and scholars, and reconstructing the artistic meaning of Dostoevsky's compositions can sometimes present considerable difficulty. This study identifies certain features of Dostoevsky's treatment of the financial arithmetic of his characters' everyday lives, as well as certain stylistic differences in the use of arithmetic elements in the novels "Poor Folk," "Crime and Punishment," and "The Idiot." Beyond the financial dimension of arithmetic, we have also examined the artistic implications of one of Dostoevsky's unusual observations — "how women drink" — with specific reference to the number of sips (in the novels "Crime and Punishment" and "Demons"). Commentaries on the episode of Stepan Trofimovich's wanderings in "Demons" required not only extensive recourse to Dostoevsky's own works and those of his contemporaries, but also to the drinking legislation of the Russian Empire in the nineteenth century.

Keywords: Dostoevsky, Russian history, everyday life, 19th-century drinking legislation, artistic detail, arithmetic in literature

For citation: Dekhanova O. A., Dekhanov M. E. Applications of Mathematics in Dostoevsky's Works. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2026, vol. 13, no. 2, pp. 115–144. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8622. EDN: NFPUFQ (In Russ.)

В известном письме к брату Михаилу от 5–10 мая 1839 г. Достоевский пишет о своей нелюбви к математике:

«...я страстный охотник до наук военных, хотя не терплю математики. Что за странная наука! и что за глупость заниматься ею¹. С меня довольно столько, сколько требуется инженеру или еще и побольше. <...> Математика без приложенья чистый 0, и пользы в ней столько же, как в мыльном пузыре» [Д30; т. 28, кн. 1: 59–60].

Это «приложение» самым многогранным образом отразилось в его творчестве.

Прежде всего, оно прослеживается в онтологическом смысле споров героев Достоевского, связанном с проблемой математических противоречий эвклидовой и неэвклидовой геометрии и философского смысла парадокса Достоевского («дважды два — четыре?»). Обращаясь к брату, Достоевский размышлял о сближении математики и философии:

«Философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное — природа... <...> Странно, что ты мыслишь в духе нынешней философии. Сколько бестолковых систем ее родилось в умных пламенных головах; чтобы вывести верный результат из этой разнообразной кучи, надобно подвести его под математическую формулу. Вот правила нынешней философии...» [Д30; т. 28, кн. 1: 54].

К этой теме в разные годы обращались многие исследователи (см.: [Кийко], [Захаров], [Сытина, 2019, 2020], [Шаулов]). Раскрывая смысл «неочевидности очевидного в поэтике Достоевского», В. Н. Захаров писал: «Обращаясь к читателю, он [Достоевский] созидал мир, в котором нелепость и абсурд нередко выражают сущее, бесспорное спорно, явное сокровенно, простое "мудрёно" и сложно, в противоречиях живет истина. В этом мире аксиома может стать парадоксом, а парадокс — истиной. В сравнении "как дважды два" результат оказывается и четыре, и "не четыре", зачастую "пять". Как писатель, Достоевский отчетливо сознавал границы эвклидова мира, предчувствовал начала геометрии Лобачевского и теорию относительности Эйнштейна, ограниченность законов физики в сфере метафизики» [Захаров: 113].

---

¹ В этом утверждении, безусловно, есть некоторая доля юношеского максимализма, так как в дальнейшем отношение Достоевского к математике и ее возможностям изменилось самым коренным образом. Вот, например, интересное замечание Тимофеевой-Починковской: «— Всё начинаете себя чужими мыслями! — ядовито восклицал он опять, заглядывая в книгу, которую я читала. — Ну, что тут хорошего — жевать эту жвачку, хотя бы разлиберальную?! Возьмитесь-ка лучше за математику, да и прите годика три! Думать по-своему станете, — уверяю вас» (*Достоевский в воспоминаниях*: 151).

Однако «приложение» математики в произведениях Достоевского не только повод для философско-религиозных размышлений и споров его персонажей. Практически все его многочисленные герои — это мелкие чиновники, литераторы, отставные военные, бывшие студенты, все те несчастные городские обитатели, живущие случайным заработком или ничтожным жалованьем, привыкшие постоянно экономить или смирившиеся с нищенским существованием, которые постоянно занимаются арифметическими вычислениями своих доходов и расходов, обсуждают стоимость продуктов, одежды, жилья и пр.

Арифметика как составная и неотъемлемая часть математики составляла предмет начального школьного образования, давая представление о числах и действиях с ними. В «Записках из Мертвого Дома» Достоевский упоминает такой учебник. Вдова Настасья Ивановна дарила заключенным самодельные сигарочницы:

«Эти сигарочницы она склеила для нас сама из картона (уж Бог знает, как они были склеены), оклеила их цветочной бумажкой, точно такую же, в какую переплетаются краткие арифметики для детских школ...» [Д30; т. 4: 68].

Господин Голядкин включает арифметику в необходимое минимальное женское образование:

«Конечно, разным талантам, бесспорно, нужно уметь, как-то: на фортепьянах иногда поиграть, по-французски говорить, истории, географии, Закону Божию и арифметике, — вот оно как! — а больше не нужно. К тому же и кухня; непременно в область ведения всякой благонравной девицы должна входить кухня!» [Д30; т. 1: 221].

В романе «Подросток» Достоевский разделяет понятия «арифметика» и «математика» именно по принципу начального и высшего образования:

«...[Версиров] вырезал из газеты одно объявление, вот оно (он вынул клочок из жилетного кармана), — это из числа тех бесконечных "студентов", знающих классические языки и математику и готовых в отъезд, на чердак и всюду. Вот слушайте: "Учительница подготавливает во все учебные заведения (слышите, во все) и дает уроки арифметики" <...>. Трогательна тут именно эта неумелость: очевидно, никогда себя не готовила в учительницы, да вряд ли чему и в состоянии учить» [Д30; т. 13: 87].

Но и для людей, по разным причинам не получивших даже начального образования, знание арифметики было важнейшим прикладным навыком. Например, как «необходимое пособие при взыскании недоимок» [Салтыков-Щедрин; т. 8: 428]. У С. Т. Аксакова при описании деда его героя, Степана Михайловича Багрова, читаем:

«...при общем невежестве тогдашних помещиков и он не получил никакого образования, русскую грамоту знал плохо; но служа в полку, еще до офицерского чина выучился он первым правилам арифметики и выкладке на счетах, о чем любил говорить даже в старости» (Аксаков: 13).

Если мы обратимся к толковому словарю В. И. Даля, то найдем там определение прикладной математики (той самой «математики с приложением», о которой писал Достоевский): «Математика — наука о величинах и количествах; все, что можно выразить цифрою, принадлежит математике. <Математика> *чистая*, занимается величинами отвлеченно; <математика> *прикладная*, прилагает первую к делу, к предметам» (Даль; т. 2: 305). Там же есть и такое определение арифметики: «Арифметика — учение о счете, наука о счислении; основа всей математики (науки о величинах, о измеримом). <...> *Общая арифметика*, алгебра, счисление буквами и другими знаками, со вставкою цифр в окончательный вывод; *прикладная арифм<етика>*, именованные числа, приложение счета к делу, когда сочетаются не отвлеченные (безымянные) цифры, а деньги, мера, вес и пр.» (Даль; т. 1: 22).

И хотя понятия «прикладная математика» и «прикладная арифметика» близки по смыслу, так как описывают область, исчисляемую цифрами и прилагаемую «к делу, к предметам», мы будем придерживаться определения «прикладная арифметика», так как объектами нашего исследования будут «не отвлеченные (безымянные) цифры, а деньги, мера, вес и пр.», то есть все те детали повседневного быта персонажей Достоевского, которые обладают важной характерологической функцией и из которых выстраивается бесконечная галерея его художественных образов.

Смысловой диапазон прикладной арифметики Достоевского простирается от философских рассуждений Парадоксалиста: «Господи боже, да какое мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся?»; «Эх, господа, какая уж тут своя воля будет, когда дело доходит до таблички и до арифметики, когда будет одно только дважды два четыре в ходу? Дважды два и без моей воли четыре будет» [Д30; т. 5: 105, 117] до иносказательного намека Ипполита князю Мышкину по поводу встречи Аглаи и Настасьи Филипповны: «...сегодня, в этот двусмысленный дом, и направится Аглая Ивановна для приятельского разговора с Настасьей Филипповной и для разрешения разных задач. Арифметикой заниматься хотят» [Д30; т. 8: 465–466].

Говоря о художественной образности бытовых деталей в произведениях Достоевского, следует вспомнить рассказ Тимофеевой-Починковской о том, как Достоевский возмущался введением звуковой методы в сельские народные школы:

«Это не человеческая метода, а попугайная. <...> У людей должно быть человеческое название каждой букве. У нас есть свои исторические предания. <...> Аз, буки, веда, глаголь, живете, земля! — с наслаждением выговаривал он. — Сейчас чувствуешь что-то живое, осмысленное, как будто физиономия есть своя у каждой отдельной буквы» (*Достоевский в воспоминаниях*: 142).

«Своя физиономия» для Достоевского есть не только у каждой буквы, но и у всех деталей повседневности — в том числе и у тех, что имеют цифровое выражение. Это касается, прежде всего, обычных повседневных расходов на жилье, одежду, продукты питания и прочее, — все то, что составляет одну из самых насущных проблем его многочисленных персонажей. Ее денежное выражение буквально пронизывает все его произведения: деньги теряют и находят, дают и тратят, считают копейки и швыряют тысячи; деньги шуршат бумажными ассигнациями и «звонят, подпрыгивая», медными монетами. Этот многоголосый поток составляет неизменный фон любой сюжетной коллизии.

В романе «Бедные люди» деньги — это главным образом социально-бытовая характеристика персонажей. Макар Девушкин детально поясняет финансовые преимущества своего нового жилища, позволившие ему даже не экономить на чае с сахаром:

«У нас здесь самая последняя комната, со столом, тридцать пять рублей ассигнациями стоит. Не по карману! А моя квартира стоит мне семь рублей ассигнациями, да стол пять целковых: вот двадцать четыре с полтиною, а прежде ровно тридцать платил, зато во многом себе отказывал; чай пивал не всегда...» [Д30; т. 1: 16–17].

Еще более захватывающая по своей динамике — история покупки Варенькой «полного собрания сочинений Пушкина, в последнем издании» [Д30; т. 1: 40]. Цель была столь значима для нее, что в этом целеустремленном торге было почти отчаяние: «...я довела купца до того, что он сбавил цену и ограничил свои требования только десятью рублями серебром. Как мне весело было торговаться!..». Но «двух с половиною рублей недоставало! Я готова была заплакать с досады» [Д30; т. 1: 40]. Все спасают последние медяки старика Покровского, «завернутые в засаленную газетную бумажку, <...> полтинничек, двугривенничек, меди копеек двадцать» [Д30; т. 1: 41].

А вот в романе «Преступление и Наказание» деньги, если можно так сказать, проживают свою историю. Некая сумма, возникая единожды, прорастает в сюжетном пространстве, становясь деталью портрета персонажа или вектором развития событий.

Пульхерия Александровна, хотя и упоминает в письме их с Дуней более чем стесненные обстоятельства, присылает Раскольникову «тридцать пять рублей» [Д30; т. 6: 93]. Дальнейшая судьба этих денег излагается самым подробным образом.

Разумихин, справедливо гордясь своей житейской практичностью, представляет Раскольникову подробнейший отчет по расходу десяти рублей на приобретение ему одежды — с уточнениями, что, где, у кого, за сколько, с какой выгодой было куплено, и подводит итог:

«...ровно девять рублей пятьдесят пять копеек. Сорок пять копеек сдачи, медными пятаками, вот-с, извольте принять...» [Д30; т. 6: 102].

Отправляясь в «Хрустальный дворец», Раскольников забирает оставшиеся деньги:

«Денег было двадцать пять рублей. Взял тоже и все медные пятаки, сдачу с десяти рублей, истраченных Разумихиным на платье» [Д30; т. 6: 120].

В трактире он эпатирует Заметова своим неожиданным «признанием», протянув ему «свою дрожащую руку с кредитками, — красненькие, синенькие, двадцать пять рублей» [Д30; т. 6: 129]. Позже все эти деньги он отдает Катерине Ивановне:

«Последние деньги на похороны вдове отдал! Ну, захотел помочь — дай пятнадцать, дай двадцать, ну да хоть три целковых себе оставь, а то все двадцать пять так и отвалил!» [Д30; т. 6: 195] —

возмущается практичный Разумихин. Об этом, на его взгляд, возмутительном по своей расточительности поступке сообщает и Лужин:

«...девице отъявленного поведения, выдал вчера до двадцати пяти рублей, под предлогом похорон...» [Д30; т. 6: 168].

И наконец, итог расхода «тридцати пяти рублей» подводит Достоевский:

«...на них ухлопаны были чуть ли не десять рублей из двадцати с лишком, полученных от Раскольникова собственно на похороны...» [Д30; т. 6: 290].

Точно так же развивается история с деньгами, полученными от старухи-процентщицы. Детальное описание унижительных для Раскольникова мелочных подсчетов старухой процентов по стоимости заклада, стремительно уменьшающих ожидаемые за часы деньги до рубля и пятнадцати копеек, завершается репликой, меняющей смысл происходящего: он «одумался, вспомнив, что идти больше некуда и что он еще и за другим пришел» [Д30; т. 6: 9].

Это неопределенное «другое», связанное с полученными от старухи деньгами, следует за Раскольниковым сначала в распивочную, потом сопровождает во время сумеречных блужданий по городу, в итоге ведя к страшному сну о лошади. Не доходя до «одного съестного заведения, вроде харчевни», он зачем-то вдруг пересчитывает оставшиеся деньги:

«оказалось около тридцати копеек. "Двадцать городовому, три Настасье за письмо, — значит, Мармеладовым дал вчера копеек сорок семь али пятьдесят"..."» [Д30; т. 6: 45]. (Если прибавить сюда потраченное на пиво, то получаются как раз те «рубль пятнадцать копеек», взятые у старухи). Но главное в этих мелочных расчетах — *тридцать копеек*. И не только потому, что цифра «тридцать» — сквозная и значимая деталь романа, но и потому, что ее вполне достаточно, чтобы Раскольников не только «выпил рюмку водки», которая «мигом подействовала», но «и съел с какою-то начинкой пирог» [Д30; т. 6: 45]. Это многозначное для «Преступления и Наказания» число «тридцать» сопровождает Раскольникова на протяжении всего романа — начиная с количества сосчитанных шагов от его дома до дома старухи: «ровно семьсот тридцать» [Д30; т. 6: 7] и заканчивая финалом: «...через восемь лет ему будет только тридцать два года и можно снова начать еще жить!» [Д30; т. 6: 417].

Все насущные и случайные траты «бедных людей» Достоевского — это одна из статей их скромного бюджета. Другая статья бюджета — заработок, случайный или постоянный, жалованье и прочий доход. Именно это соотношение, определяющее образ жизни, переводит личную проблему «маленького человека» в общую проблему государственного устройства.

П. А. Зайончковский, исследуя особенности правительственного аппарата самодержавной России в XIX в., отмечал, насколько тяжелы были условия материальной жизни основной массы чиновничества, за исключением, конечно, высшей его группы. Жалованье мелких канцелярских чиновников (писарей, копиистов и пр.) составляло в среднем от 3 до 8 рублей в месяц. Прожить на эти деньги было практически невозможно, но это была еще не крайняя степень нищенского существования. Так, например, годовое жалованье писарей в штате Оренбургской саперной роты составляло от 32 руб. 79 коп. до 20 руб. 55 коп. (ПСЗ 2; т. 40 (2), Штаты и табели: 485), а писарь в штате мастерской петербургского Арсенала имел годовое жалованье 16 руб. 35 коп., то есть 1 руб. 36 коп. в месяц (ПСЗ 2; т. 40 (2), Штаты и табели: 496). И неудивительно тогда, что «холостяки почти и жили в канцелярской комнате, ложились спать на тех же столах, на которых они скрипели перьями днем, переписывая нескончаемые бумаги» [Зайончковский: 72–73].

Среднее годовое жалованье младших чиновников составляло от 25 до 70 рублей. «Низкие оклады были у учителей <...>. Старшие учителя гимназии получали в основном 393 руб. жалованья в год, т. е. 32 р. 50 к. в месяц» [Зайончковский: 78]. И в то же время воспитателям московского Императорского воспитательного дома полагалось 500 рублей жалованья и казенная квартира (ПСЗ 2; т. 50 (3), Штаты и табели: 287).

Такой разброс в цифрах объясняется тем, что штатное расписание конкретного ведомства утверждалось личным императорским указом и размер жалованья его сотрудников зависел от ведомственной принадлежности, от

территориальности, от личного расположения начальника и от предполагаемого объема работ. В последнем случае устанавливалась общая сумма расходов на штатную единицу. Это позволяло руководителю ведомства увеличивать жалование за счет уменьшения числа сотрудников.

Такое положение дел в государственном аппарате России XIX в. неизбежно приводило к тому, что большей части служащих приходилось «питаться злоупотреблениями», а «взяточничество и казнокрадство с точки зрения чиновной морали было обычным явлением» [Зайончковский: 86, 143]. Особенно это касалось семейных. Достоевский в романе «Подросток» самым неожиданным образом упоминает эту, злободневную для России, проблему. Аркадий, рассказывая о дамах в платьях со шлейфами в полтора аршина, поднимающими пыль, возмущается:

«К тому же это шелк, она его треплет по камню три версты, из одной только моды, а муж пятьсот рублей в сенате в год получает: вот где взятки-то сидят!» [Д30; т. 13: 25].

Достоевский достаточно часто использует указание на размер жалования своих персонажей как составляющую, а иногда и исчерпывающую их характеристику. Материальные возможности — это и социальное положение, и образ жизни, и внешний вид, и даже характер или эмоциональное состояние. В «Записках из Мертвого Дома» он дает лаконичное определение этой стороне повседневного быта: «Деньги есть чеканенная свобода...» [Д30; т. 4: 17].

Знакомя читателей с героем рассказа «Скверный анекдот», писатель всего лишь сообщает, что Пселдонимов «был маленький чиновник, рублях на десяти в месяц жалованья» [Д30; т. 5: 12]. Размер недолгого ежемесячного жалованья Мармеладова — «двадцать три рубля сорок копеек» — выглядит несколько преувеличенным для человека, потерявшего место по своей «легкомысленной слабости» [Д30; т. 6: 19]. Но Достоевский тут же поясняет, что получил тот его исключительно благодаря участию его превосходительства Ивана Афанасьевича, у которого ранее служил:

«Ну, говорит, Мармеладов, раз уже ты обманул мои ожидания... Беру тебя еще раз на личную свою ответственность...» [Д30; т. 6: 18].

В том же романе «Преступление и Наказание» обсуждается, «много ли может <...> бедная, но честная девица честным трудом заработать?.. Пятнадцать копеек в день <...> не заработает, если честна и не имеет особых талантов, да и то рук не покладая работавши!» [Д30; т. 6: 17]. Эта проекция актуального в 1860-х гг. общественного интереса к женскому труду, обсуждаемая в самых разных печатных изданиях, достаточно точна в своем денежном выражении. А. И. Федоров, исследуя причины, побуждающие женщин к проституции, писал: «Все известные женские занятия, связанные

большую часть с усиленным физическим трудом, оплачиваются не щедро» и приводил «сведения о заработной плате женщин разных промыслов в Петербурге» — прислуга на хозяйских харчах зарабатывала от 5 до 12 рублей в месяц, вязальщицы чулок, папиросницы, белошвейки, портнихи, цветочницы могли заработать в среднем от 10 до 20 рублей в месяц. Самый тяжелый, но низкооплачиваемый труд был у прачек: «...по 60 коп. в день при случайной работе, а в месяц — 6 р. на хозяйских харчах и 15 рублей на своих» (Федоров: 18–19).

В романе «Идиот» размер жалованья Гани Иволгина становится главным начальным звеном последовательных авторских реплик, проясняющих читателю и характер этого персонажа, и побудительные причины его дальнейших поступков:

«Ганечкина квартира <...> состояла из шести или семи комнат и комнаток, самых, впрочем, обыкновенных, но во всяком случае не совсем по карману семейному чиновнику, получающему даже и две тысячи рублей жалованья» [Д30; т. 8: 76].

Две тысячи рублей выглядят вполне солидным жалованьем для секретаря, даже и пользующегося личным расположением хозяина. В середине XIX в. такую оплату получали, например, помощник директора канцелярии Опекунских советов Москвы или помощник управляющего Казенной палатой (ПСЗ 2; т. 44 (3), Штаты и табели: 96, 323). Однако такая, казалось бы, значительная сумма тает на глазах, если учесть, что она приходится на семейство из пяти человек. Квартира, в связи с которой Достоевский и упоминает размер жалованья, «предназначалась для содержания жильцов со столом и прислугой». А именно это и было невыносимо для амбициозного Гаврилы Ардалионовича:

«...ему стало как будто стыдно после этого в обществе, где он привык являться как молодой человек с некоторым блеском и будущностью» [Д30; т. 8: 76].

По этой причине он «стал раздражаться всякою мелочью безмерно и непропорционально», но «им решено было всё это изменить и переделать в самом непродолжительном времени» [Д30; т. 8: 76].

Но прикладная арифметика в произведениях Достоевского может участвовать и в построении более сложных художественных образов.

Каждое произведение Достоевского имеет свой индивидуальный внутренний ритм и стиль повествования. И если в романе «Преступление и Наказание» некая, единожды возникшая сумма динамична — она проживает вместе с главным героем все значимые для него события, постепенно истрачиваясь, то в романе «Идиот» она остается неизменной и многократно повторяемой, навязчиво присутствуя в сознании князя Мышкина.

Уже в самом начале романа генерал Епанчин предлагает ему в качестве аванса на необходимые карманные расходы двадцать пять рублей:

«...так как теперь у вас кошелек совсем пуст, то, для первоначалу, позвольте вам предложить вот эти двадцать пять рублей» [Д30; т. 8: 30].

Генерал тут же сообщает об этом Елизавете Прокофьевне:

«Я ему двадцать пять рублей подарил...» [Д30; т. 8: 44].

В этот же день в ответ на несдержанные обвинения Гани Иволгина князь деликатно отказывается от квартиры:

«У меня есть двадцать пять рублей, и я наверно найду какой-нибудь отель-гарни» [Д30; т. 8: 75].

Этой суммой интересуется Фердыщенко:

«— У вас деньги есть? <...> Сколько именно? — Двадцать пять рублей. <...> Князь вынул двадцатипятирублевый билет из жилетного кармана и подал Фердыщенке. Тот развернул, поглядел, потом перевернул на другую сторону, затем взял на свет»,

размышляя об особенностях «двадцатипятирублевых» менять цвет [Д30; т. 8: 79]. И только в конце этого насыщенного событиями дня неразменный двадцатипятирублевый билет, наконец, прекращает свое существование. Князь оплачивает трактирный долг генерала Иволгина:

«— Десяти рублей у меня нет, — перебил князь, — а вот двадцать пять, разменяйте и сдайте мне пятнадцать, потому что я остаюсь сам без гроша» [Д30; т. 8: 106].

Но самое значимое для романа использование Достоевским такого художественного приема — это история садового ножика. Именно здесь многократный рефрен не только отражает особое психическое состояние князя Мышкина, но проецируется на дальнейшее развитие трагических событий.

История ножика начинается в доме Рогожина с его подробного описания:

«...ножик, с оленьим черенком, нескладной, с лезвием вершка в три с половиной...» [Д30; т. 8: 180].

Садовый нож, которым разрезают листы книги:

«— Это ведь садовый нож? — Да, садовый. Разве садовым нельзя разрезать листы?» [Д30; т. 8: 180–181].

История ножика продолжается на улицах Петербурга — покинув дом Рогожина, князь Мышкин находится в болезненном, «предприпадочном» состоянии, и ножик теряет для него свое имя, становясь на время «товаром», «вещью» и «предметом», стоимостью в шестьдесят копеек:

«...в числе вещей, разложенных напоказ в окне лавки, была одна вещь, на которую он смотрел и которую даже оценил в шестьдесят копеек серебром, он помнил это, несмотря на всю свою рассеянность и тревогу»; «вот эта лавка, он нашел ее наконец! <...> Вот и этот предмет в шестьдесят копеек; "конечно, в шестьдесят копеек, не стоит больше!"...» [Д30; т. 8: 187].

Он вдруг вспоминает, как «садился в вагон, чтобы ехать к Аглае, <...> но <...> выбежал из воксала и очнулся только пред лавкой ножовщика в ту минуту, как стоял и оценивал в шестьдесят копеек один предмет, с оленьим черенком» [Д30; т. 8: 193]. Этот предмет торга обретает и свое изначальное имя и даже свой указанный размер только в конце романа, когда окончательно меняет свое предназначение:

«...чем ты ее? Ножом? Тем самым? — Тем самым. <...> ...нож как бы на полтора... али даже на два вершка прошел...» [Д30; т. 8: 505].

Это обезличивание обсуждаемого предмета прослеживается и в отношении некой безымянной пока картины. Она была «довольно странная по своей форме, около двух с половиной аршин в длину и никак не более шести вершков в высоту. Она изображала Спасителя, только что снятого со креста» [Д30; т. 8: 181]. Еще то того, как князь называет ее: «это копия с Ганса Гольбейна», Рогожин рассказывает историю ее торгов:

«— Вот эти все здесь картины, <...> всё за рубль да за два на аукционах куплены батюшкой покойным <...>, а вот эта — вот картина, над дверью, тоже за два целковых купленная, — говорит, не дрянь. Еще родителю за нее один выискался, что триста пятьдесят рублей давал, а Савельев, Иван Дмитрич, из купцов, охотник большой, так тот до четырехсот доходил, а на прошлой неделе брату Семену Семенычу уж и пятьсот предложил. Я за собой оставил» [Д30; т. 8: 181].

Помимо прямого указания на стоимость какой-либо бытовой детали, Достоевский использует ее узнаваемый эквивалент. Это может быть, например, цвет ассигнации, заменяющий указание ее номинала.

Так, в повести «Записки из подполья» главный герой после позорной встречи с Лизой говорит:

«...прямо перед собой, на столе, я увидел... одним словом, я увидел смятую синюю пятирублевую бумажку, ту самую, которую минуту назад зажал в ее руке» [Д30; т. 5: 177].

Эта деталь была адресована, скорее, мужской части читателей Достоевского. Как и описание комнаты мадам Бубновой («Униженные и Оскорбленные»): «...мы очутились в небольшой комнате, в два окна, с геранями, плетеными стульями и с сквернейшими фортепианами», сопровождаемое репликой — «всё как следовало» [Д30; т. 3: 274]; или, например, упоминания дам немецкого происхождения, владеющих *известными заведениями*, а также (рассказ «Крокодил») «резиновых изделий, которые распространены у нас в Гороховой, в Морской и, если не ошибаюсь, на Вознесенском проспекте» [Д30; т. 5: 196]².

«Синяя бумажка» достоинством в пять рублей — это характеристика разрядности заведения, куда вслед за своими приятелями отправляется и главный герой, подпольный парадоксалист:

«...один из тех тогдашних "модных магазинов", которые давно уже теперь истреблены полицией. Днем и в самом деле это был магазин; а по вечерам имеющим рекомендацию можно было приезжать в гости» [Д30; т. 5: 151].

Парадоксалист прекрасно «знал, куда они поехали», знал, что «здесь надо было предупредить», ему был знаком и зал, где его встречает «хозяйка, отчасти [его] знавшая» [Д30; т. 5: 149, 151]. Знал, конечно, и стоимость услуг этого заведения, взяв у Симонова шесть рублей [Д30; т. 5: 148] (с учетом извозчика) и заплатив Лизе ее обычную плату — обычную для дорогого заведения. М. Кузнецов в книге «Проституция и сифилис в России» отмечал, что «в самых лучших домах терпимости в Петербурге плата за совокупление с женщиной не превышает никогда <...> 5 рублей» (Кузнецов: 122). А. И. Федоров в «Очерке врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге» писал: «По плате посетителей домов терпимости, эти последние разделяются на три главные разряда: с платою по пяти рублей, <...> по два и по три руб<ля>, <...> по 1 р. и по 50 коп.» (Федоров: 45).

Синюю ассигнацию выдает служанке Мавре Трусоцкий на покупку бутылки шампанского (рассказ «Вечный муж»):

«...за вином опять посылали, за тем самым, синюю бумажку выдали» [Д30; т. 9: 53].

Во второй половине XIX в. на эти деньги (пять рублей) можно было приобрести хорошее французское шампанское уровня Клико или Редерер. И хотя Трусоцкий уже давно привык пить его неряшливо, теплым, вопреки правилам своей прежней жизни, но наливая «себе четвертый, последний стакан из бутылки», он сохранял в своем сознании некое убеждение, что пока он пьет только шампанское, то «до водки еще черед не дошел-с» [Д30;

---

² Подробнее об отражении Достоевским темы проституции в романе «Преступление и Наказание» см.: [Деханова, 2025].

т. 9: 53, 44]. (И, кстати, указанное количество стаканов точно соответствовало объему бутылки шампанского).

В романе «Идиот» Фердыщенко вспоминает как украл три рубля — «зеленую бумажку» [Д30; т. 8: 124] и истратил их на бутылку лафита. Стоимость бутылки лафита зависела от многих факторов. Во-первых, даже и в том самом знаменитом поместье Шато-Лафит вина разделялись по категориям: первое вино, второе вино и вина ординарные. Кроме того, помимо поместья Шато-Лафит, приобретенного Джеймсом Ротшильдом, во Франции существовали и другие винные хозяйства, носившие названия Лафит и производившие вина под этим же названием. Во второй половине XIX в. красные вина под названием лафит стали изготавливать также в южных российских губерниях. Поэтому в преysкурантах различных торговых домов можно было найти лафит и за 1 рубль, и за 6–8 рублей. Так, например, в торговом доме «Братьев Елисеевых» лафит категории «лучший» предлагался за 2 рубля 10 копеек, а категории «высокий» — за 2 рубля 85 копеек и за 4 рубля. Именно такой лафит позволил себе Фердыщенко:

«...три целковых я в тот же вечер пропил в ресторане. Вошел и спросил бутылку лафиту; никогда до того я не спрашивал так одну бутылку, без ничего...» [Д30; т. 8: 124].

В рассказе «Скверный анекдот» Достоевский конфликтно связывает стоимость вина с размером жалованья мелкого чиновника. Цена двух бутылок французского шампанского, купленных исключительно для Пралинского, практически составляет месячное жалованье Пселдонимова (см. подробнее об этом: [Деханова, Деханов]).

Однако не только деньгами исчисляются бытовые реалии в произведениях Достоевского. В определении прикладной арифметики по словарю В. Даля, приведенном ранее, «именованные числа» могут обозначать не только деньги, но и «меру, вес и пр.». И таким «именованным числом» может быть и количество глотков. Достоевский дважды (в романах «Преступление и Наказание» и «Бесы») использует одно необычное наблюдение: «она пила, как пьют женщины», с указанием количества глотков — 20 глотков стакан шампанского, 3 глотка рюмка водки. Это замечание — прежде всего социальная характеристика пьющей женщины, женщины из простонародья. Прочие женщины в произведениях Достоевского пьют лишь в состоянии экзальтации (как, например, Настасья Филипповна или Грушенька).

Пристальное внимание к тому, как пьют женщины низших сословий, проявлял не только Достоевский. Например, попадая в повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского» «наливала четверть стакана водки, нерешительно добавляла еще и выпивала до дна, маленькими непрерывными глотками, как пьют женщины» [Андреев: 502]. Или у Куприна в романе «Юнкера»:

«...красавица сначала пожеманилась <...>. Но <...> уговорить ее пригубить рассейской водочки было уж не так трудно и мешкотно. Она пила ее, как пьют все русские крестьянки: мелкими глотками, гримасничая, как будто после принятия отвратительной горечи» [Куприн: 356].

В романе «Преступление и Наказание» в трактире, где встретились Свидригайлов и Раскольников, «на столике пред Свидригайловым стояла початая бутылка шампанского и стакан, до половины полный вина» [Д30; т. 6: 355]. Выпроваживая Катю, Свидригайлов «налил ей целый стакан вина и выложил желтенький билетик. Катя выпила стакан разом, как пьют вино женщины, то есть не отрываясь, в двадцать глотков» [Д30; т. 6: 356].

И это уже не только социальная характеристика. Рисуя эту, казалось бы, простую бытовую сценку, Достоевский акцентирует внимание читателей на том, как пьет шарманщица Катя, а именно — «не отрываясь, в двадцать глотков». Любой читатель, употребляющий хоть иногда шампанское, понимает, что это невозможно. Стакан шампанского — это, действительно, глотков двадцать. Однако «не отрываясь», «разом» можно выпить глотков десять. Но если речь идет о тех, для кого стакан этого вина — редкое даровое угощение, то содержимое его и проглатывается не отрываясь, давясь, с жадностью, да еще с огромной благодарностью:

«Катя <...> взяла билетик, поцеловала у Свидригайлова руку, которую тот весьма серьезно допустил поцеловать, и вышла из комнаты...» [Д30; т. 6: 356].

Об этой вечной проблеме «русского слуги» писал Герцен в автобиографическом романе «Былое и думы»:

«Вино оглушает человека, дает возможность забыться, искусственно веселит, раздражает; это оглушение и раздражение тем больше нравятся, чем меньше человек развит и чем больше сведен на узкую, пустую жизнь. Как же не пить слуге, осужденному на вечную переднюю, на всегашнюю бедность, на рабство, на продажу? Он пьет через край — когда может, потому что не может пить всякий день...» [Герцен; т. 8: 38].

Но гораздо более интересна сцена, связанная с тремя глотками водки, в романе «Бесы». Степан Трофимович, воодушевленный возвышенной идеей большой дороги, оказывается в совершенно неведомых ему обстоятельствах «действительной жизни»: «...странным и ужасно чем-то чуждым показался ему деревенский вид» [Д30; т. 10: 484]. Но вот он, замерзший и уставший, оказывается в крестьянской избе. Достоевский использует здесь все возможности самых ярких эмоциональных переживаний: обонятельные — «сладостный запах горячих блинов», визуальные — сочетание синего узора тарелки и коричневатого-бежевого цвета стопки блинов, осязательные — благодатное тепло печки, вкусовые — «облитые горячим свежим маслом, вкуснейшие блины» [Д30; т. 10: 485].

И в этой располагающей обстановке так естественно желание Степана Трофимовича — «немножко», «un tout petit rien» (фр. «чутьочку водки») к блинам [Д30; т. 10: 485]. Хозяйка тут же, интуитивно, переводит с иностранного языка эту неопределенное «чутьочку» и «немножко» в ценовое выражение: «На пять копеек, значит?» [Д30; т. 10: 485]. И «через три-четыре минуты (кабак был в двух шагах) очутилась пред Степаном Трофимовичем на столе косушка и большая зеленоватая рюмка» [Д30; т. 10: 485]. «По какому-то вдохновению» он наливает рюмку водки и угощает бабенку-попутчицу:

«Бабенка законфузилась и стала было отнекиваться, но, высказав всё предписанное приличием, под конец встала, выпила учтиво, в три хлебка, как пьют женщины, и, изобразив чрезвычайное страдание в лице, отдала рюмку и поклонилась Степану Трофимовичу»; «"Я в совершенстве, в совершенстве умею обращаться с народом, и я это им всегда говорил", — самодовольно подумал он, наливая себе оставшееся вино из косушки; хотя вышло менее рюмки, но вино живительно согрело его...» [Д30; т. 10: 486].

Любая детализация в произведениях Достоевского — это чрезвычайно важное смысловое обращение к читателю. И потому эта, так подробно описанная сцена, невольно привлекает внимание.

Упомянутые «чутьочка водочки» на 5 копеек, мера водки «косушка», неравное деление ее объема на две большие рюмки и количество глотков с уточнением «как пьют женщины» — все имеет здесь свой смысл, но чтобы увидеть его, нужно разобраться с общепринятой в XIX в. терминологией питейных мер.

Это оказалось не просто, если учесть, что в современном информационном поле сложилось противоречивое представление о названиях и объемах питейных мер. Поэтому мы обратились к самому достоверному источнику — законодательной базе Российской империи XIX в. (см. Приложение 1).

Одна из особенностей винной торговли в России состояла в том, что правила для питейных заведений всегда отличались от правил для трактирных заведений³. В данном эпизоде упоминается водка из кабака, т. е. питейного заведения. Водка там отпускалась либо клейменными мерами, либо в запечатанных стеклянных бутылках установленного объема, что стоило дороже, так как в ее стоимость входили так называемые укупорочные деньги.

Клейменные меры («крючки») представляли собой металлические ковшики с указанием их объема на казенном штампе. У них были длинные изогнутые на конце ручки, чтобы вешать на край бочки: в кабаке «на стойке бочонок с краном, на нем висят "крючки", медные казенные мерки для вина. Это — род кастрюлек с длинными ручками, мерой в штоф, полуштоф,

³ Об особенностях государственной политики в отношении трактирных и питейных заведений см.: [Деханова, 2023].

косушку и шкалик» — описывает Гиляровский один из рыбинских кабаков в начале 1870-х гг. [Гиляровский: 106].

Это была обычная примета любого кабака. Вот, например, описание временных питейных заведений, устраиваемых в Марьиной роще на народных гуляниях:

«В некоторых местах стояли широкие белые шатры, называемые колоколами, <...> они содержали под своими завесами огромные деревянные чаны с вином, их называли *дубовые штофы*; на стенках их, на *крючках*, висели мерные кружки, отчего и кабаки именовались *кружалами*; поэтому в старину и говорили: "выпить крючок винца"; "Пьяница, утащенный из кружала дьяволом" был одним из популярных нравственно-поучительных сюжетов лубочных картин XVIII в.» (*Любецкий*: 53, 56).

Попытка стандартизировать питейные меры началась еще до того, как в 1835 г. был законодательно определен точный объем казенного (эталонного) ведра: «30 фунтов перегнанной воды или в 750,57 куб. дюймов», что составляло привычный нам сегодня объем — около 12,3 литра (*ПСЗ 2*; т. 10 (2), № 8459: 1010).

Однако практически до конца 40-х гг. XIX в. в российском законодательстве (и повседневной практике) существовали как старые, восьмеричные меры разделения объема ведра, так и новые — десятиричные⁴ (см. *Приложение 1*). Введение десятиричного разделения в 1819 г. было вызвано постоянно менявшейся продажной ценой казенного вина:

«...находя мелкие меры как прежде существовавшие, так и примененные к нынешней продажной цене вину по 7 рублей каждое ведро, вовсе к употреблению на будущее время неудобными по причине могущих быть перемен в продажной на вино цене, г. министр финансов решился содержание мелких мер применить к десятичному раздроблению монет» (*ПСЗ 1*; т. 35, № 27517: 551).

Законодательно устанавливался не только объем питейной меры относительно ведра, но и ее название: штоф или кружка ($\frac{1}{10}$ ведра), полуштоф, полукружка и бутылка ($\frac{1}{20}$ ведра), полубутылка (четверть штофа, $\frac{1}{40}$ ведра), восьмушка штофа ($\frac{1}{80}$ ведра) и, наконец, чарка ($\frac{1}{100}$ ведра) и получарка ($\frac{1}{200}$ ведра). И только в 1899 г. название «получарка» было официально заменено названием «шкалик». Это и стало причиной появления в современных информационных источниках указания объема шкалика — 61,5 мл. Однако до 1899 г. разговорное название «шкалик» относилось к питейной мере иного объема.

⁴ Написание в нормативных актах XIX в.: «восьмиричные» и «десятиричные».

Аналогичная картина складывалась и в отношении «косушки». Определения этих разговорных терминов в различных энциклопедических словарях XIX в. были противоречивы, а иногда и ошибочны. Мы проследили эту закономерность по словарям Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, В. И. Даля, Ф. Толля, Н. П. Макарова, И. С. Вавилова (см. Приложение 2).

Исключением стал «Справочный коммерческий словарь» 1856 г., составленный первостатейным купцом Иваном Вавиловым⁵, где были указаны точные коммерческие значения этих питейных мер: «Косушка — мера хлебного вина, четвертая часть штофа», а «шкалик — мера хлебного вина, $\frac{1}{8}$ штофа» (Вавилов: 143, 357), что составляет 307 и 153 мл соответственно. Это определение соответствовало объемам косушки и шкалика, упоминаемым в различных литературных источниках, как художественных, так и мемуарных. Кроме того, ценовой диапазон этих мер по литературным источникам соответствовал вычисленным значениям по законодательной базе Российской империи и магазинным и ресторанным прејскурантам второй половины XIX в.

Теперь обратимся к приведенному ранее описанию событий в крестьянской избе в романе «Бесы» и к очевидным несоответствиям представленных там деталей.

Первое несоответствие — это соотношение объема косушки и тех «трех хлебков», которыми опустошила рюмку чернобровая бабенка.

Косушка, как мы уже говорили, — это 307 мл. При указанном неравном разделении этого объема чернобровая бабенка выпивает «в три хлебка» практически полный граненый стакан водки, без закуски, не крикнув, а лишь «изобразив чрезвычайное страдание в лице». По-мужички, а не «как пьют женщины».

Это позволяет предположить наличие скрытого указания на некрасовский тип русской женщины: «красивой и мощной славянки» [Некрасов; т. 4: 79]⁶. На вечере Литературного фонда в феврале 1864 г. Некрасов так и определял свою новую поэму «Мороз, Красный нос» — «картинки русской сельской жизни» [Некрасов; т. 4: 557].

Вокруг косушки завязываются все дальнейшие события другой известной поэмы Некрасова:

---

⁵ Иван Саввич Вавилов, автор ряда книг по «практическим коммерческим знаниям» для русского купечества, выступал с публичными лекциями. В журнале «Отечественные Записки» была помещена благожелательная рецензия В. Н. Майкова на книгу И. Вавилова «Беседы русского купца о торговле: несмотря на «неправильность и неточность языка» и «калейдоскопический характер» изложения, это «книга не совсем лишенная интереса» и «заключает в себе много фактов, интересных для каждого образованного человека, и много практических сведений, необходимых собственно для русского купечества» (Отечественные Записки. 1846. Т. 46. № 6. Отд. VI. С. 24; Т. 47. № 8. Отд. VI. С. 111).

⁶ Тема литературных и духовных сближений Достоевского и Некрасова всесторонне исследована такими исследователями, как, например, В. А. Викторovich, М. М. Гин, Н. А. Кладова, В. А. Туниманов (см.: [Викторovich], [Гин], [Кладова], [Туниманов]).

«Косушки по три выпили,
Поели — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?» [Некрасов; т. 5: 7–8].

Кроме того, в своей рецензии 1844 г. на «первый пяток» книжки «Воскресные посиделки» Бурнашева, Некрасов так отмечает одну из нелепостей автора в описании народного быта:

«Обратите внимание на фразу, напечатанную в нашей выписке курсивом. Спросите у знающих людей, что значит "*косушка*", и они вам скажут, что косушка — четвертая доля штофа, обыкновенная порция русского человека, от которой он не бывает не только пьян, но даже и навеселе» [Некрасов; т. 11, кн. 1: 168].

Второе несоответствие деталей — указанная стоимость водки (5 копеек) к объему косушки.

В «Записках из Мертвого Дома» Достоевский упоминает точную и вполне реальную в тех обстоятельствах цену косушки:

«...такой-то и режет человека за четвертак, чтоб за этот четвертак выпить косушку...» [Д30; т. 4: 86].

Аналогичную стоимость косушки упоминает и Некрасов в одном из своих ранних незавершенных романов 1840-х гг. «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»:

«Я побежала в кабак, купила "косушку" на последние тридцать копеек, которые берегла на завтра на хлеб, и принесла батюшке» [Некрасов; т. 8: 168].

Салтыков-Щедрин в «Современной идиллии» также подробно описывает стоимость косушки:

«...видел я давеча, что Лазарь пятиалтынный⁷ на столе в зале оставил. Поди и унеси его, а унеши, сбегай к Финагеичу и купи косушку пенного» [Салтыков-Щедрин; т. 15, кн. 1: 256].

Средняя цена водки объема косушки по преysкурантам ресторанов 80-х гг. XIX в. составляла от 10 до 40 копеек, в зависимости от ее качества. Указанная в романе «Бесы» цена косушки: 5 копеек — это только размер акцизного сбора за эту меру водки, не считая ее продажной цены, стоимости патентов на род деятельности, транспортных расходов и коммерческого интереса продавца. Так сколько же водки принесла хозяйка Степану Трофимовичу на 5 копеек?

---

⁷ Пятиалтынный — 15 копеек.

Как мы уже говорили, одной из самых мелких законодательно определенных казенных мер в XIX в. была чарка, $\frac{1}{100}$ часть ведра, 123 мл. Мы не рассматриваем меру в $\frac{1}{200}$ часть ведра (получарку), так как в контексте эпизода выпить половину получарки «в три хлебка» в принципе невозможно.

К середине XIX в. слово «чарка» практически ушло из бытовой разговорной речи. Достоевский использует его только в двух своих ранних произведениях. Так, в «Хозяйке»:

«Катерина <...> вынула <...> весь серебряный поставец, поставила его на середину стола и отделила от него три серебряные чарки»; «Все стукнули чарками и выпили»; «Вино ж было крепкое, так что с одной выпитой чарки всё более и более мутились глаза Ордынова» [Д30; т. 1: 305, 306, 308].

В «Неточке Незвановой» помещик дает отеческое наставление Ефимову:

«...учись и чарки не знай, а хлебнешь раз с горя <...>, всё к бесу пойдет...» [Д30; т. 2: 148].

Слово «чарка» в бытовой разговорной речи постепенно сменилось словом «шкалик». Помимо питейной меры оно обозначало самый широкий круг предметов повседневного быта. Так назывались элементы иллюминации: «Шкалик — стаканчик со светильнею, налитый салом, для праздничного освещения» (*Даль*; т. 4: 637); «Шкалик — *т<e>хн<ическое> н<a>зв<ание>*. 1) Небольшой стеклянный стакан, наполненный салом, употр<ебляется> для иллюминации» (*Вавилов*: 357); «Шкалик — *le lampion*» (*Макаров*; ч. 2: 446). В девятом «письме о провинции» Салтыкова-Щедрина о городе Глупове сказано:

«В прошлом году он [город] устроил такую иллюминацию (не пожар, а настоящую иллюминацию из смоляных бочек, плошек и шкаликов), от которой было небу жарко...» [Салтыков-Щедрин; т. 7: 292].

Л. Н. Толстой в статье «О голоде» употреблял слово «шкалик» как меру колотых дров:

«Цена колотых дров осиновых за шкалик, т. е. $\frac{1}{16}$ куб<ической> саж<ени>, 90 копеек, так что дров на зиму понадобится рублей на 20, если топить всё покупными» [Толстой; т. 29: 89].

Применительно к питейным мерам шкалик, как мы уже говорили, обозначал «восьмушку штофа», половину косушки или 153 мл. Цена шкалика, вычисленная по прейскурантам трактирных заведений, действительно, составляла около 5 копеек. Эта же цена упоминается и в ряде литературных произведений. Например, Гиляровский вспоминает свою скитальческую жизнь в окрестностях Ярославля в начале 1870-х гг.:

«Я подошел, вынул пятак и хлопнул им молча о стойку. Целовальник молча снял шкаличный крючок, нацедил водки из крана вровень с краями, ловко перелил в зеленый стакан с толстым дном и подвинул его ко мне» [Гиляровский: 106].

Затем он описывает некоего постоянного обитателя кабака:

«...вынул две копейки, кинул их на стол. — Мотри, только один семик... добавь трой-чак на шкалик... охмелюсь и пойду! — обратился он ко мне. <...> Я спросил косушку. Подали ее, четырехугольную, и принесли стаканчик из зеленого стекла, шкаличного размера. Из косушки их выходило два. Деньги, гривенник, <...> уплатил <...> вперед. Здесь такой обычай» [Гиляровский: 113].

П. И. Якушкин в «Путевых письмах» из Астраханской губернии в конце 1860-х гг. столь же подробно указывает на соотношение цены косушки и шкалика. Обсуждается, за сколько был продан шинкарю украденный котелок:

«"Да я косушку дал: десять копеек". — "Как говорю, десять? Нестеровна мне говорила, всего за шкалик, за пять копеек"» (Якушкин: 9).

Шкалик, как и косушка — это лексикон обитателей Мертвого Дома Достоевского. И точно так же, как и косушка, шкалик выступает там нравственной мерой:

«...если б ему очень захотелось выпить шкалик вина и если б шкалик можно было получить не иначе, как зарезав кого-нибудь, то он бы непременно зарезал...» [Д30; т. 4: 221].

Со стоимостью шкалика связана у Достоевского и тема продажи креста. В романе «Преступление и Наказание» Миколка на постоялом дворе «снял с себя крест, серебряный, и попросил за крест шкалик» [Д30; т. 6: 107]. Как бы «серебряный», «но только настоящий оловянный» крест по цене косушки продает солдат князю Мышкину: «Купи, барин, крест серебряный, всего за двугривенный отдаю; серебряный!» — и Достоевский тут же замечает читателю, что «по лицу его [солдата] видно было, как он доволен, что надул глупого барина» [Д30; т. 8: 183].

Теперь, возвращаясь к роману «Бесы», попробуем прокомментировать обсуждаемую сцену в избе. Если мы заменим фантастическую в данном контексте косушку на шкаличную меру, отвечающую как указанной цене (5 копеек), так и возможности выпить «в три хлебца, как пьют женщины», всего лишь «изобразив чрезвычайное страдание в лице» [Д30; т. 10: 486], то все прочие обстоятельства описанных событий сложатся в картинку сельской

идиллии, которая так умилила Степана Трофимовича. Эта выдуманная им картинка примиряла его с подробностями «действительной жизни», деревенским видом, показавшимся ему «странным и ужасно чем-то чуждым» [Д30; т. 10: 484].

Что же касается появления в этом эпизоде столь популярного в разговорной народной речи названия «косушка», то в произведениях Достоевского фантастическое бывает иногда настолько органично вписано в текст, что становится реальностью. Например, в романе «Преступление и Наказание», вопреки действовавшему на момент описываемых событий категорическому законодательному запрету иметь в качестве закуски в питейных заведениях что-либо кроме черного хлеба, Достоевский намеренно дополняет удущающую, пропитанную винным запахом атмосферу распивочной еще и нестерпимо дурным запахом:

«Стояли крошеные огурцы, черные сухари и резанная кусочками рыба; всё это очень дурно пахло» [Д30; т. 6: 12].

И эта вонь распивочных наравне с запахами пыли, известки и городской духоты становится доведенной до своей высшей точки потребностью в свежем воздухе, составляя один из лейтмотивов романа⁸.

Исследуя художественный мир Достоевского, А. П. Чудаков отмечал, что «основу всякой изображенной действительности составляет мир воплощенных в слове художественных предметов, расселенных в созданном писателем пространстве. <...> Вещи Достоевского разнородны, разнокалиберны и разнокачественны; объединены они одним — субъективным мироощущением рассказчика, им придаются свойства его сиюминутного восприятия» (Чудаков: 94–96). Каждая вещь в произведениях Достоевского, все многочисленные реалии повседневности, все самые разнообразные «приложения» математики, — все имеет «свою физиономию» и свой смысл.

---

⁸ О функциях запаха в распивочной см. подробнее: [Деханова, 2023: 117–124].

Приложение 1

Законодательно установленные объемы
мелких питейных мер XIX в.

Legally established volumes
of small drinking measures of the 19th century

Восьмеричное разделение мер *			Десятеричное разделение мер		
Мера относительно ведра	Объем в литрах ^{**}	Название	Мера относительно ведра	Объем в литрах [*]	Название
$\frac{1}{8}$	1,54	Штоф восьмеричный			
			$\frac{1}{10}$	1,23	Штоф десятеричный Кружка
13 $\frac{1}{3}$ бутылок в ведре	0,923	Бутылка			
$\frac{1}{16}$	0,77	Винная бутылка****			
			$\frac{1}{20}$	0,615	Полуштоф Полукружка Бутылка
26 $\frac{2}{3}$ полубутылки в ведре	0,461	Полубутылка			
$\frac{1}{40}$	0,307	Косушка***		0,307	Полубутылка Четверть штофа Косушка***
			$\frac{1}{50}$	0,246	
$\frac{1}{80}$	0,153	Шкалик***		0,153	Осьмушка штофа Шкалик***
			$\frac{1}{100}$	0,123	Чарка
			$\frac{1}{200}$	0,061	Получарка Шкалик****

♦ Примечания:

* Одновременное применение десятеричной и восьмеричной системы⁹ деления мер ведра было упразднено с 1843 г. (ПСЗ 2; 1842, т. 17 (1), № 15750).

⁹ «Восьмиричной» и «десятиричной» — по написанию в нормативных актах XIX в.

** Объем вычислен относительно законодательно установленного объема ведра (12,3 литра) (ПСЗ 2; 1835, т. 10 (2), № 8459).

*** См.: *Вавилов*.

**** Термин введен в 1899 г. (ПСЗ 3; 1899, т. 19 (1), № 17056).

♦ Информационные источники:

О введении мелких питейных мер в употребление по казенной питейной продаже (ПСЗ 1; 1818, т. 35, № 27517).

О системе российских мер и весов (ПСЗ 2; 1835, т. 10 (2), № 8459).

Положение о мерах и весах (ПСЗ 3; 1899, т. 19 (1), № 17056).

♦ Условия для содержания питейных сборов на:

1823–1827 гг. (ПСЗ 1; 1822, т. 38, № 29076).

1827–1831 гг. (ПСЗ 2; 1827, т. 2, № 987).

1831–1835 гг. (ПСЗ 2; 1830, т. 5 (1), № 3664).

1835–1839 гг. (ПСЗ 2; 1834, т. 9 (1), № 7206).

1839–1843 гг. (ПСЗ 2; 1838, т. 13 (1), № 11313).

1843–1847 гг. (ПСЗ 2; 1842, т. 17 (1), № 15750).

♦ Положение об акцизно-откупном комиссионерстве на:

1848–1851 гг. (ПСЗ 2; 1846, т. 21 (1), № 19614).

1851–1855 гг. (ПСЗ 2; 1850, т. 25 (1), № 24058).

♦ Об устройстве питейных сборов на:

1855–1859 гг. (ПСЗ 2; 1853, т. 28 (1), № 27045).

♦ Устав о питейном сборе:

ПСЗ 2; 1861, т. 36 (2), № 37197.

ПСЗ 2; 1868, т. 43 (1), № 46003.

♦ Полный Устав о питейном сборе. М., 1870.

Приложение 2

Определения слов «косушка» и «шкалик» по энциклопедическим словарям Definitions of the words “kosushka” and “shkalik” in encyclopedic dictionaries

Источник	Шкалик	Косушка	Примечания
Даль В. И. Толковый словарь (Даль)	Шкалик, кабачная мера вина, осьмушка, косушка (т. 4, с. 637)	Мера жидкостей, шкалик, четверть штофа или полбу- тылки (т. 2, с. 174)	Неточность. «Осьмуш- ка — осьмая доля штофа или стакан, две чарки» (т. 1, с. 247). Однако, «осьмая доля штофа» — это 153 мл, а объем чарки — 123 мл, т. е. «две чарки» — 246 мл
Вавилов И. С. Справочный коммерческий словарь (Вавилов)	Шкалик — мера хлебного вина $\frac{1}{8}$ штофа (с. 357)	Косушка — мера хлебного вина, четвертая часть штофа (с. 143)	
Макаров Н. П. Полный русско- французский словарь (Макаров)	Шкалик — 40-ème partie d'un vèdro ($\frac{1}{40}$ ведра; ч. 2, с. 446)	Косушка — 20 ^e partie d'un vèdro ($\frac{1}{20}$ ведра; ч. 1, с. 277)	Неточность. $\frac{1}{20}$ ведра — это объем полуштофа
Толль Ф. Справочный энциклопедиче- ский лексикон (Толль)	Шкалик — то же, что косушка (т. III, с. 1053)	Косушка — мера жидкостей, шкалик, четверть штофа или полбутылки (т. II, с. 566)	
Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедиче- ский словарь (Брокгауз, Ефрон)		Косушка — мера жидкости, преиму- щественно водки, шкалик, четверть штофа или полбу- тылки (т. XVI, с. 425)	

Список источников

- Аксаков — Аксаков С. Т. Семейная хроника и воспоминания, М.: Тип. Л. Степановой, 1856. 565 с.
- Брокгауз, Ефрон — [Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.] Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1895. Т. 16: Конкорд — Коялович. 480 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003924229?page=1&rotate=0&theme=white (10.12.2025).
- Вавилов — [Вавилов И. С.] Справочный коммерческий словарь / собр. и издан. Ив. Вавиловым. СПб.: Морская тип., 1856. 367 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003563420?page=2&rotate=0&theme=white (10.12.2025).
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 2000.
- Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. К. И. Тюнькина. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. 623 с. (Сер. литер. мемуаров.)
- Кузнецов — Кузнецов М. Г. Проституция и сифилис в России: историко-стат. исследования. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1871. 268, 76 с.
- Любецкий — [Любецкий С. М.] Московские окрестности, ближние и дальние, за всеми заставами, в историческом отношении и в современном их виде, для выбора дач и гулянья. Здесь также описывается характеристика и быт московских жителей дедовских и наших времен: гулянья, празднества, увеселения и другие замечательные события: очерк истории земледелия и садов с древнейших времен. М.: Тип. Индриха, 1877. 322 с.
- Макаров — [Макаров Н. П.] Полный русско-французский словарь: в 2 ч. / сост. Н. П. Макаровым. 5-е изд., с многоч. доп. номенклатуры (до 1500 заголовочных русских и более 3000 переводных фр. слов) и фразеологии (до 5000 примеров с 1000 пословицами), печатано со стереотипа. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1889 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/358698?ysclid=mrpa9fz3px806031034> (10.12.2025).
- ПСЗ 1 — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Собр. I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- ПСЗ 2 — Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1916.
- ПСЗ 3 — Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб.: Гос. тип., 1885–1916.
- Толль — [Толль Ф.] Настольный словарь для справок по всем отраслям знания: справоч. энцикл. лексикон: в 12 вып. или 3 т. / сост. под ред. В. Зотова; изд. Ф. Толля. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1863–1866 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003834115?page=571&rotate=0&theme=white; https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003834113?page=3&rotate=0&theme=white (10.12.2025).
- Федоров — [Федоров А. И.] Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге / доктора медицины А. И. Федорова. СПб.: Тип. С.-Петерб. градоначальства, 1897. 64 с.
- Чудаков — Чудаков А. П. Слово — вещь — мир. От Пушкина до Толстого. М.: Совр. писатель, 1992. 320 с.

Якушкин — Якушкин П. И. Путевые письма // Отечественные Записки: журнал литературный, политический и ученый. СПб.: Тип. А. А. Краевского, 1870. Т. 188. Год 32. № 1 (Январь). [Отд. 2]. С. 1–17.

Список литературы

1. Андреев Л. Н. Собр. соч.: в 6 т. / редкол.: И. Г. Андреева [и др.]; сост. и подгот. текста В. А. Александрова, В. Н. Чувакова; вступ. ст. А. В. Богданова, коммент. В. Н. Чувакова. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1: Рассказы, 1898–1903. 639 с.
2. Викторovich В. А. Некрасов, прочитанный Достоевским // Карабиха: ист.-литер. сб. Ярославль, 1993. Вып. 2. С. 115–138. EDN: SWKNPP
3. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. / [ред. кол.: В. П. Волгин (гл. ред.) и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1966.
4. Гиляровский В. А. Соч.: в 4 т. / сост. и примеч. Б. И. Есина. М.: Правда, 1989. Т. 4: Москва и москвичи; Стихотворения, экспромты. 446 с.
5. Гин М. М. Достоевский и Некрасов: два мировосприятия / под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Карелия, 1985. 184 с.
6. Деханова О. А. Питейные заведения в романе «Преступление и наказание». Художественная деталь в правовом поле питейной реформы 1861 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 106–127 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2023-2/04_Dekhanova_106-127.pdf (10.12.2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2023-2-106-127. EDN: KPZIOR
7. Деханова О. А. Достоевский. На дне. «Так и пахнул на меня этот город с первых часов знакомым запахом» // Достоевский и современность: материалы XXXIX Междунар. Старорусских чтений 2024 года. В. Новгород, 2025. С. 26–37.
8. Деханова О. А., Деханов М. Е. Скверный анекдот с шампанским // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 144–165 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2025-4/04_Dekhanova-Dekhanov_144-165.pdf (10.12.2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2025-4-144-165. EDN: TWCMLL
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
10. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
11. Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109–114 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16215420_61149270.pdf (10.12.2025). EDN: NQVXBZ
12. Кийко Е. И. Восприятие Достоевским неэвклидовой геометрии // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1985. Т. 6. С. 120–128.
13. Кладова Н. А. Ф. М. Достоевский и Н. А. Некрасов: творческий диалог: дис. ... канд. филол. наук. Кострома, 2009. 202 с.
14. Куприн А. И. Собр. соч.: в 6 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 6: Произведения, 1899–1937 / подгот. текста П. Вячеславова и И. Мыльцовой, примеч. О. Михайлова и др. 831 с.
15. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Л.: Наука, 1981–2000.

16. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); редкол.: С. А. Макашин (гл. ред.) и др. М.: Худож. лит., 1965–1977.
17. Сытина Ю. Н. О некоторых особенностях «арифметики Достоевского» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. Вып. 2. С. 287–299 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39166065_55191934.pdf (10.12.2025). DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.027. EDN: TRTKGH
18. Сытина Ю. Н. «Математическая» проблема в «Подростке» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 144–170 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593895891.pdf (10.12.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7742. EDN: NVXDKL
19. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Юбилейное издание (1828–1928) / под общ. ред. В. Г. Черткова; при уч. ред. комитета в сост.: А. Е. Грузинского, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева [и др.]. М.: Худож. лит., 1928–1958.
20. Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время: сб. ст. Л.: Наука, 1971. С. 33–66.
21. Шаулов С. С. Идиома «дважды два четыре» в русской литературе XX века // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 266–289 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593940771.pdf (10.12.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8182. EDN: GLEIV

References

1. Andreev L. N. *Sobranie sochineniy: v 6 tomakh* [The Collected Works: in 6 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 1: Short Stories, 1898–1903. 639 p. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. Nekrasov, Read by Dostoevsky. In: *Karabikha: istoriko-literaturnyy sbornik* [Karabikha: Historical and Literary Collection]. Yaroslavl, 1993, issue 2, pp. 115–138. EDN: SWKHPP (In Russ.)
3. Gertsen A. I. *Sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Collected Works: in 30 Vols]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1954–1966. (In Russ.)
4. Gilyarovskiy V. A. *Sochineniya: v 4 tomakh* [Works: in 4 Vols]. Moscow, Pravda Publ., 1989, vol. 4: Moscow and Muscovites; Poems, Impromptu. 446 p. (In Russ.)
5. Gin M. M. *Dostoevskiy i Nekrasov: dva mirovospriyatiya* [Dostoevsky and Nekrasov: Two Worldviews]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1985. 184 p. (In Russ.)
6. Dekhanova O. A. Drinking Establishments in the Novel “Crime and Punishment”. An Artistic Detail in the Legal Field of the Drinking Reform of 1861. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2023, no. 2 (22), pp. 106–127. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2023-2/04_Dekhanova_106-127.pdf (accessed on December 10, 2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2023-2-106-127. EDN: KPZIOF (In Russ.)
7. Dekhanova O. A. Dostoevsky. “At the Bottom”. “This City Smelled on Me from the First Hours with a Familiar Scent”. In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy XXXIX Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2024 goda* [Dostoevsky and Modernity: Proceedings of the 39th International Old Russian Readings 2024]. Veliky Novgorod, 2025, pp. 26–37. (In Russ.)
8. Dekhanova O. A., Dekhanov M. E. A Nasty Story with Champagne. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2025,

- no. 4 (32), pp. 144–165. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2025-4/04_Dekhanova-Dekhanov_144-165.pdf (accessed on December 10, 2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2025-4-144-165. EDN: TWCMLL (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
  10. Zayonchkovskiy P. A. *Pravitel'stvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v.* [The Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th Century]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 288 p. (In Russ.)
  11. Zakharov V. N. How Many Is Twice Two or The Non-Obvious Obvious in Poetics of Dostoevsky. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2011, no. 4, pp. 109–114. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_16215420_61149270.pdf (accessed on December 10, 2025). EDN: NQVXBZ (In Russ.)
  12. Kiyko E. I. Dostoevsky's Perception of Non-Euclidean Geometry. In: *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 6, pp. 120–128. (In Russ.)
  13. Kladova N. A. F. M. Dostoevskiy i N. A. Nekrasov: tvorcheskiy dialog: dis. ... kand. filol. nauk [F. M. Dostoevsky and N. A. Nekrasov: A Creative Dialogue. PhD. philol. sci. diss.]. Kostroma, 2009. 202 p. (In Russ.)
  14. Kuprin A. I. *Sobranie sochineniy: v 6 tomakh* [The Collected Works: in 6 Vols]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1958, vol. 6: Works, 1899–1937. 831 p. (In Russ.)
  15. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 15 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 15 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1981–2000. (In Russ.)
  16. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy: v 20 tomakh* [The Collected Works: in 20 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965–1977. (In Russ.)
  17. Sytina Yu. N. On Some Features of Dostoevsky's "Arithmetic". In: *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2019, vol. 20, issue 2, pp. 287–299. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_39166065_55191934.pdf (accessed on December 10, 2025). DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.027. EDN: TRTKGH (In Russ.)
  18. Sytina Yu. N. A "Mathematical" Problem in Dostoevsky's "The Raw Youth". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 144–170. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593895891.pdf (accessed on December 10, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7742. EDN: NVXDKL (In Russ.)
  19. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 tomakh. Yubileynoe izdanie (1828–1928)* [The Complete Works: in 90 Vols. Anniversary Edition (1828–1928)]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1928–1958. (In Russ.)
  20. Tunimanov V. A. Dostoevsky and Nekrasov. In: *Dostoevskiy i ego vremya: sbornik statey* [Dostoevsky and His Time: Collection of Articles]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 33–66. (In Russ.)
  21. Shaulov S. S. The Idiom "Twice Two is Four" in Russian Literature of the 20th Century. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 266–289. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593940771.pdf (accessed on December 10, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8182. EDN: GLLEIV (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Деханова Ольга Алексеевна, кандидат фармацевтических наук (г. Москва, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2216-2548>; e-mail: Dh369@yandex.ru. *Olga A. Dekhanova*, PhD (Pharmaceutical Sciences) (Moscow, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2216-2548>; e-mail: Dh369@yandex.ru.

Деханов Михаил Евгеньевич, нутрициолог-фармацевт (г. Москва, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6245-3783>; e-mail: dekhanov@yandex.ru. *Mikhail E. Dekhanov*, Nutritionist-Pharmacist (Moscow, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6245-3783>; e-mail: dekhanov@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 30.05.2026

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.07.2026

Принята к публикации / Accepted 10.07.2026

Дата публикации / Date of publication 31.07.2026